

Джигарханян хлопнул дверью, но не в театре, а во ВГИКе

Артист не согласен с системой преподавания актерского мастерства,
но своих студентов не бросит

Известия - 1995 - 27 апр. - 97

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ, журналист

Ушел, внезапно оставив свой — уже, между прочим, выпусткой — курс, о котором на протяжении четырех лет без устали твердил в каждом интервью. Задумав написать о нем именно как о педагоге, я однажды побывала на черновом прогоне дипломного спектакля курса Джигарханяна — чеховских «Трех сестрах». Смотрела, записывала, что называется, собирала материал. К сожалению, он не понадобился.

По моим наблюдениям, Джигарханян — педагог талантливый потому, что больше рассказывает, нежели показывает. Вместе со студентами он, как ядро из скорлупы, вышелушивает подлинный смысл каждой сцены, каждой реплики. Он задает направление поиска и словно отходит в тень: представляет студентам большую самостоятельность, вернее, создает у них иллюзию самостоятельности. Чехов был выбран именно для того, чтобы не мельчить задачу. Джигарханян считает его идеальным автором для обучения молодых актеров. Показы Джигарханяна хороши тем, что неконкретны, символичны, им невозможно подражать. Студенты очень

разные, живые, нервные, разбуженные. Я видела: им интересно вместе — Джигарханяну и его курсу.

Джигарханян не скрывал, что его взаимоотношения со ВГИКом далеки от идиллии. И тем не менее подумывал о новом наборе. Уход оказался действительно неожиданным — прежде всего для него самого. Думаю, бытовые подробности конфликта на публику выносить не стоит. Пусть о них знают лишь участвовавшие стороны. Взаимные претензии были высказаны в узком кругу. Однако Джигарханян считает, что повод для публичного разговора все-таки есть. Проблема, по его мнению, в глубоко ошибочной системе преподавания,

существующей сегодня в Институте кинематографии, в утрате лучших традиций этого творческого вуза.

— Научить профессии, даже просто ее технике может только тот, кто сам выходит на сцену, снимается в кино. Приобщиться к творчеству, значит, попасть в чье-то магнитное поле. У нас же студенты проводят драгоценные четыре года молодости обособленно, вне живого театрального дела, живут сухой книжной теорией. Лучшая, по-моему, форма обучения — смотреть, как работает мастер, и пытаться что-то сделать самому... У меня на курсе висит лозунг — я сказал, они написали: «Все можно». Я сознаю, насколько это опасно. Но иного пути нет. Мы обязаны дать им шанс — все попробовать, раскрыться, показать себя.

Я давно живу и знаю, сколько раз в своей жизни ошибался относительно того, что хорошо, что плохо... Появилась идея о необходимости введения единой системы воспитания и обучения. Это страшно. Тогда мы превращаемся в цех по

выпечке булок. Возиться с каждым отдельно, выпестовывать, терпеть их неуправляемые психологические процессы, осторожно снимать лишнее — только этот путь! Мы можем спокойно, не напрягаясь, поставлять искусству хороший середняк. Но этому имя — не педагогика, а растение, — считает Армен Джигарханян.

Спрашиваю Джигарханяна: «Что же будет с курсом?» Отвечает кратко, по-мужски: «Я их не брошу». — «А с вами?» — «Я туда не вернусь. И, возможно, никогда больше не буду этим заниматься».

Менее всего принципиальна, по-моему, в данном случае чья бы то ни было личная правда. Огорчают факты. Джигарханян ушел из ВГИКа. Ему позволили уйти. Это, безусловно, огромная потеря для студентов — нынешних и завтрашних. Значит, проблема действительно не в конфликте Джигарханяна и ВГИКа. Она — в ближайшем будущем нашего театра и кино, в интересах дела, о которых, увы, менее всего заботятся ссорящиеся творческие люди.